

5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс., Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1959. – 771 с.

6. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2019. – 376 с.

7. Вабищевич, С. С. Законодательство Республики Беларусь о предпринимательской деятельности: ретроспективный анализ развития / С. С. Вабищевич, И. А. Маньковский // Научный диалог. – 2015. – №8 (44). – с. 115-134.

8. Арушаньянц, А. Н. Конкуренция как институциональное явление и правовая категория / А. Н. Арушаньянц // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 21–31.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА ESG

Белоусова Снежана Дмитриевна

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
младший научный сотрудник

Термин ESG состоит из первых букв трех английских слов. E – environment (ответственное отношение к окружающей среде), S – social (высокая социальная ответственность), G – governance (высокое качество корпоративного управления).

В 1998 г. Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН, после встречи с руководителями Международной торговой палаты, отметив решающую роль частного сектора в продвижении целей ООН, признал: «Существует большой потенциал для того, чтобы цели ООН – содействие миру и развитию – и цели бизнеса – создание богатства и процветание – были взаимоподдерживающими». Несколько позже на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 1999 г. им был предложен «Глобальный договор», напрямую призвав лидеров бизнеса присоединиться к ООН в продвижении принципов, которые заложили бы основу для устойчивой глобальной экономики. Причиной принятия данного договора являлась усиливающаяся глобализация, которая обнажила пробелы в глобальном нормотворчестве по трудовым стандартам, правам человека и охране окружающей среды, что, в свою очередь, могло усилить негативную реакцию на глобализацию [1].

Глобальный договор, содержащий в настоящее время 10 принципов по четырем направлениям: в области прав человека, трудовых отношений, окружающей среды и борьбы с коррупцией, начал действовать в 2000 г. [2]. Принципам данного договора придерживается множество организаций по всему миру. В Беларуси, например, среди таковых насчитывается около 30 организаций [3].

В дальнейшем Кофи Аннан в 2004 г. в докладе «Неравнодушный побеждает» предложил руководителям мировых компаний присоединиться к инициативе и включить ESG-принципы в свои стратегии [1].

Несмотря на растущее проникновение ESG в самые разные сферы жизни, единого подхода к раскрытию данного термина на сегодняшний день не выработано. В контексте оценки компаний ESG определяется как механизм оценки с точки зрения создания компаниями широкого спектра социально желаемых ценностей; в контексте инвестиционной деятельности – как учет наряду с финансовыми экологических, социальных и управленческих факторов в процессе принятия инвестиционных решений; или экологические, социальные и управленческие показатели, которые инвесторы применяют для измерения устойчивости своих инвестиций и связанных с ними рисков [4].

Ф. И. Хамидуллина и Р. И. Газизуллин указывают, что в современных реалиях «аббревиатура ESG используется для обозначения по меньшей мере пяти реалий:

- 1) совокупность факторов устойчивого развития (широкий смысл);
- 2) принципы устойчивого развития на национальном уровне (частичная конкретизация с учетом страновой экономической специфики);
- 3) стандарт деятельности, учитываемый при ответственном ведении бизнеса (более конкретизированный смысловой вариант);
- 4) направление в системе оценки рисков инвестирования (конкретизация в узком плане инвестиционной деятельности);
- 5) ответственное инвестирование как таковое, когда инвесторы внимательно следят за тем, как тот или иной предприниматель ведет бизнес, а не сколько он зарабатывает (наиболее часто встречающийся вариант, конкретизация непосредственно по отношению к той или иной практике инвестирования)» [5, с. 23].

Другие исследователи в узком смысле ESG расшифровывают как «экология, социальная политика и корпоративное управление». А в широком трактуют как «слаженный, сложный, устойчивый процесс развития коммерческой деятельности, в основе которого стоят принципы ответственного, уважительного отношения к окружающей нас среде, высокой социальной ответственности и качества корпоративного управления, выстроенным на максимально высоком уровне» [6, с. 40].

Стоит отметить, что наряду с термином ESG в качестве синонимов используются такие понятия, как устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность (далее – КСО), тройной критерий (Triple bottom line) и влияние на общество [7]. Некоторые и вовсе считают, что компонент «S» охватывает КСО в целом [8].

В действительности все Цели устойчивого (далее – ЦУР) относятся к какому-либо из компонентов ESG. Например, экологический компонент «E» нашел отражение в таких ЦУР, как обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех (цель 6) и обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства (цель 12). Социальный компонент «S» соответствует таким целям, как повсеместная

ликвидация нищеты во всех ее формах (цель 1) и ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства (цель 2). Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития (цель 17) происходит из управленческого компонента «G» и т.д. [9].

Вместе с тем Н. А. Соколова и Э. С. Теймуров подчеркивают, что «ЦУР как результат многолетней кристаллизации концепции устойчивого развития является ориентиром для формирования ESG-стандартов, планом, требующим выполнения. В то же время ESG-принципы являются инструментом вовлечения частного сектора и гражданского общества в глобальную повестку устойчивого развития, без них невозможны успешная реализация ЦУР и достижение поставленных показателей во благо общественного развития при сохранении окружающей среды. Для достижения ЦУР ключевое значение приобретает интеграция трех компонентов. В известном смысле эта идея экстраполирована и на ESG-принципы, которые рассматриваются в определенном единстве, особенно в долгосрочной перспективе» [10, с. 182].

Также ESG характеризуют как «финансиализацию» устойчивого развития. Поскольку если раньше ESG развилась из концепции устойчивости, то сегодня акцент сместился с внешнего воздействия деловой активности на общество и природную среду на риски и последствия для финансовых инвесторов, связанные с неэффективным учетом факторов ESG [11].

Экологический компонент ESG охватывает такие аспекты, как изменение климата; управление водными ресурсами; выбросы, сбросы, отходы и использование ресурсов; биоразнообразие и земельные ресурсы; экологическое соответствие; социальный компонент – трудовые практики; охрана труда и промышленная безопасность; права человека; местные сообщества; гендерное равенство; социальное воздействие и создание ценности; управление цепочкой поставок; управленческий компонент – корпоративное управление; управление рисками; противодействие коррупции и деловая этика; раскрытие информации; взаимодействие с клиентами и управление цепочкой поставок [12].

Однако учеными подчеркивается, что отсутствие «общей теоретизации» в отношении ESG порождает не только множество точек зрения на содержание данного термина, но и приводит ученых к выводу, что данная концепция неэффективна. Так, ряд исследователей предлагает добавить или убрать один из компонентов ESG. Другие предлагают рассматривать каждый из компонентов по отдельности, отходя от единства данного понятия. Третьи и вовсе считают, что необходимо полностью отказаться от этого термина [1]. В частности, The Economist был сделан вывод: «В идеале, термин ESG следует отменить. Его репутация, состоящая из трех слов: экологическая, социальная и управление, которые звучат скорее как благочестивая мантра, чем сила перемен, теперь запятнана» [13].

Таким образом несмотря на то, что ESG широко внедряется в деятельность организаций по всему миру, вовлекая частный сектор и

гражданское общество в реализацию концепции устойчивого развития, единого общепризнанного определения данного понятия до сих пор не выработано. Данное обстоятельство впоследствии приводит не только к отсутствию понимания сущности данной концепции, но и ее отторжению в итоге.

Список использованных источников:

1. Pollman, E. The Making and Meaning of ESG [Electronic resource] / E. Pollman // U of Penn, Inst for Law & Econ Research Paper, 2022. – 53 p. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4219857. – Date of access: 10.02.2023.
2. Глобальный договор ООН [Электронный ресурс] // Организаций Объединенный Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/36167>. – Дата доступа: 15.02.2023.
3. Сеть Глобального Договора в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalcompact.by/participants>. – Дата доступа: 15.02.2023.
4. Лазарян, С. С. Эволюция, основные понятия и опыт регулирования ESG [Электронный ресурс] / С. С. Лазарян, И. В. Никонов, А. В. Хачатрян // Цифровая библиотека МГИМО в сфере ЦУР/ESG. – Режим доступа: <https://esg-library.mgimo.ru/publications/evolyutsiya-osnovnye-ponyatiya-i-opyt-regulirovaniya-esg/>. – Дата доступа: 15.02.2023.
5. Газизуллин, Р. И. Принципы права и стандарты ESG в сфере социально ответственного предпринимательства / Р. И. Газизуллин, Ф. И. Хамидуллина // Lex Russica. – 2022. – Том 75. – № 12. – С. 21–30.
6. Коршунов, А. А. ESG – как тренд будущего. Понятие и развитие / А. А. Коршунов, Т. В. Шевченко // Digital. – 2022. – Том 3. – № 2. – С. 39–43.
7. Fisch, Jill E. Making Sustainability Disclosure Sustainable [Electronic resource] / Jill E. Fisch // Georgetown Law Journal, U of Penn, Inst for Law & Econ Research Paper. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3233053. – Date of access: 10.02.2023.
8. Armstrong, A. Ethics and ESG [Electronic resource] / A. Armstrong // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. – 2020. – № 14 (3). – P. 6–17.
9. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. – Дата доступа: 23.02.2023.
10. Соколова, Н. А. Соотношение целей устойчивого развития и ESG-принципов / Н. А. Соколова, Э. С. Теймуров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 12 (88). – С. 171–183.

11. Delgado-Ceballos, J. Connecting the Sustainable Development Goals to firm-level sustainability and ESG factors: The need for double materiality [Electronic resource] / J. Delgado-Ceballos, N. Ortiz-De-Mandojana, R. Antolín-López, I. Montiel // BRQ Business Research Quarterly. – 2023. – № 26 (1). – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/23409444221140919>. – Date of access: 10.02.2023.

12. Скоробогатько, Е. Устойчивое развитие и ESG: новая эпоха управления [Электронный ресурс] / Е. Скоробогатько // Digital. – 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-i-esg-novaya-epoha-upravleniya/viewer>. – Дата доступа: 20.02.2023.

13. Measure less, but better [Electronic resource] // The Economist. – Mode of access: https://www.economist.com/special-report/2022/07/21/measure-less-but-better?utm_medium=social-media.content.np&utm_source=twitter&utm_campaign=editorial-social&utm_content=discovery.content. – Date of access: 21.02.2023.

НЕЙРОСЕТИ И ПРАВО: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Бодакова Ольга Витальевна

Белорусский государственный экономический университет,
заведующий кафедрой теории и истории права, кандидат юридических наук

Внедрение информационных технологий, роботизация, искусственный интеллект и телекоммуникации являются характерными чертами XXI века. Дальнейшее развитие робототехники, информационного общества и электронного государства обозначено в качестве Приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156.

Все чаще государства используют возможности искусственного интеллекта в различных сферах и, в частности, в юриспруденции для упорядочения и систематизации процессов, повышения их эффективности.

В настоящее время нейросети и их применение в юриспруденции – это тема, которая становится все более актуальной.

Нейронная сеть представляет собой метод в искусственном интеллекте, который учит компьютеры обрабатывать данные таким же способом, как и человеческий мозг. Это тип процесса машинного обучения, называемый глубоким обучением, который использует взаимосвязанные узлы или нейроны в слоистой структуре, напоминающей человеческий мозг. Он создает адаптивную систему, с помощью которой компьютеры учатся на своих ошибках и постоянно совершенствуются [1].

В связи с этим цель настоящего исследования – изучить возможности и ограничения использования нейросетей в юридической сфере.